

Сибирские аграрии: «Мы ждем перемен!»

В интервью говорится о возникающей в связи с вступлением в ВТО угрозе замыкания сельскохозяйственного рынка Сибири в границах макрорегиона, анализируются достоинства и недостатки существующей государственной политики в области сельского хозяйства.

Ключевые слова: ВТО, сельскохозяйственное производство, экспорт зерна, господдержка, стандарты качества

Региональная социально-экономическая политика в области сельского хозяйства требует кардинальных изменений уже в ближайшие годы. Во всяком случае, для сибирских аграриев это очевидно. К этому подталкивают не только вступление России в ВТО или принятие новой государственной программы развития АПК на период с 2013 по 2020 гг. Прежние резервы, методы и технологии в развитии аграрного сектора в Сибири к исходу нулевых во многом оказались исчерпаны или дискредитированы. Вступление в ВТО и открытие наших продовольственных рынков для зарубежных конкурентов только усугубляют ситуацию. О нынешнем состоянии сибирского сектора АПК, о противоречивости государственной политики в этой сфере кор. «ЭКО» беседует с **В.А. АЛТУХОВЫМ, заместителем председателя исполнительного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», курирующим вопросы агропромышленного комплекса, текстильной и легкой промышленности.**

– Виктор Алексеевич, как известно, по многим видам сельскохозяйственной продукции Сибирь себя вполне обеспечивает и даже пытается что-то экспортировать. Может ли этот факт как-то отсрочить или смягчить последствия от вступления страны в ВТО для наших аграриев?

– Я бы не стал на это надеяться. От вступления в ВТО выиграют только экспортеры, но Сибирь с ее транспортной удаленностью мало экспортирует. А вот спасут ли расстояния от импорта – большой вопрос.

На сегодня мы полностью обеспечиваем себя и соседние регионы продукцией растениеводства, птицеводства; собственной свининой – на 70–75%, а некоторые регионы – на все 85–90%. В ближайшие годы после введения ряда новых мощностей поголовье свиней вырастет еще примерно на 25%. И уже сегодня встает вопрос – куда мы будем девать эту

свинину? Внутреннее потребление насыщено и быстро не вырастет, соседи наши – Средняя Азия – мусульмане, свинину не едят, а вывозить за Урал не позволяют высокие тарифы. Да там и конкуренция повыше, потому что к местным производителям добавились зарубежные, которых очень активно поддерживают их правительства.

Добиваться снижения железнодорожных тарифов на сибирскую сельхозпродукцию, как мы это делали в 2000-х годах, уже не получится. По правилам ВТО, транспортные тарифы должны быть одинаковы для всех участников рынка. То есть если они снизятся, то снизятся для всех, и тогда к нам хлынет импортная продукция.

Поэтому я думаю, что, с учетом наших расстояний, вступление в ВТО будет в какой-то степени способствовать замыканию сибирского рынка внутри себя. По крайней мере, по некоторым позициям. А по некоторым видам конечной продукции мы давно в ВТО – через торговые сети, которые контролируются международными корпорациями. Они уже диктуют условия и устанавливают свои цены.

– В торговых сетях, на первый взгляд, довольно широко представлена продукция местных производителей: и молоко, и колбаса, и мясо (особенно охлажденное)...

– Да ведь проблема не только в том, что сети не берут на реализацию. Вопрос – в ценовой политике. Ведь та цена, которую вы видите в магазине, и та, по которой сети закупают продукцию у сельхозпроизводителей – это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Условно говоря, «Вимм-Билль-Данн», который давно уже контролируется не российскими собственниками, а входит в транснациональную корпорацию и владеет заводами и магазинами по всей стране, говорит: я принимаю молоко по 10 руб., а то, что у вас себестоимость 11 или 13 руб., меня не волнует. Не хотите – привезу из Подмоскovie, с Урала, откуда угодно. И что должен делать губернатор Новосибирской области, где в сельском хозяйстве заняты 30% населения, или глава Алтайского края, где таких все 60%? Они для производства молока, для поддержки сельхозпроизводителей вынуждены дотировать из бюджета эту разницу.

Это нормальная транснациональная политика по подавлению независимых мелких производителей. Неважно, молоко они производят или колбасу. Но что за этим следует? Сокращение колхозных рынков. И у нас в регионе, и повсюду в России постепенно исчезают альтернативные рынки, магазинчики «у дома», киоски. Местным производителям ничего другого не остается, как принимать грабительские условия торговых сетей.

Закон о торговле хоть немного смягчил ситуацию. А помните, как долго мы добивались его принятия? Доходило до анекдота: просрочка торговых суперсетей нашим хлебникам за уже поставленный и проданный хлеб составила больше 150 дней! За молоко, птицу были огромные просрочки. Я не думаю, что они такое себе позволяли с зарубежными поставщиками, у которых и государственные субсидии гораздо больше, чем у нас, и кредиты по льготным процентам. За рубежом кредитная ставка составляет около 2–3%, а в кризис доходила практически до нуля, лишь бы сохранить производство. А у нас льготные кредиты выдаются под 14% годовых, а фактически доходят до 30%...

Надо уяснить, что торговые сети были созданы у нас не для удобства россиян, а как отделы сбыта транснациональных компаний – производителей продовольствия, мебели, электроники... Торговые сети действуют в рамках ВТО. И мы через них давно уже в ВТО. Электронику добились, теперь за сельское хозяйство примемся...

– На международном уровне давно научились ставить барьеры на пути иностранных конкурентов за счет внутренних стандартов качества. В России есть предпосылки для того, чтобы пойти по этому пути?

– Вопрос со стандартами очень большой. В США есть жесткие технические стандарты качества, которые устанавливаются на достаточно высоком уровне. И как только какая-то страна достигает этих показателей, они в течение полугода принимают новые, более жесткие, а своим сельхозпроизводителям и переработчикам дают субсидии на модернизацию – чтобы те хоть немного, но вышли за пределы этих регламентов.

У нас же ГОСТы отменили, вместо них ввели технические регламенты. С одной стороны, это позволяет выживать

мелким заводикам, которым ГОСТы не под силу. С другой – открывает дорогу на наш рынок, мягко говоря, некачественной продукции. Например, Ю.Ф. Бугаков, директор ЗАО племзавод «Ирмень», принципиально не ставит у себя установку по производству восстановленного молока. У него все молоко натуральное. Но какие преимущества это ему дает на рынке? Если не

тратить специально денег на рекламу, этого никто не узнает. А рядом на полке стоит восстановленное молоко, которое произведено по техрегламенту, и оно стоит дешевле, только на нем не написано, что оно восстановлено... Алтайский сыр не может быть по себестоимости меньше 190–200 руб. за 1 кг, потому что там не применяется пальмовое масло. А в импортном – кокосовое, пальмовое масло – сплошь и рядом. Зато надпись, как это требует закон, «сырный продукт», «молочный продукт», – бывает очень и очень редко. Если сливочное масло продается по 170–180 руб. за килограмм, значит, это спрэд под вывеской масла. Написано «с добавлением растительных жиров», а иногда надо бы писать – «с добавлением молочных жиров».

Понятно, почему так происходит. Если все производить по ГОСТам и устанавливать на эти продукты справедливую цену, которая соответствует себестоимости, тогда окажется, что мы очень бедно живем: у нас маленькие зарплаты и пенсии, низкая покупательная способность рубля, да и наш рынок из-за низкой покупательной способности сожмется. Почему у нас до недавнего времени не развивалось производство крупного рогатого скота? Потому что из-за длительного цикла складывалась такая себестоимость говядины, по которой ее никто не смог бы купить.

Вот и получается, что в США курица продается по 2,5–3 долл., в Европе – по 10 евро/кг, говядина – по 20 евро, а у нас даже говядина не стоит 10 евро, хотя себестоимость производства выше, чем на Западе, – из-за устаревших технологий и низкой производительности труда...

Есть и другая сторона вопроса, касающаяся стандартов и защиты своих интересов. Попробуйте найти среди экономистов, юристов, менеджеров того, кто от «А» до «Я» знает правила и стандарты в странах ВТО! Тех, которые могли бы взять на себя защиту, лоббирование интересов наших производителей.

Их нет до сих пор, хотя вступление России в ВТО обсуждалось 18 лет! В Госдуме перевод с английского о правилах ВТО пришел за месяц до подписания. Все переговоры держались втайне.

Восемнадцать лет нас «кормили завтраками», а потом бах – и приняли! Сегодня для того чтобы соблюсти нормы ВТО и направить на поддержку села «разрешенные» 9 млрд бюджетных средств (на самом деле у нас всего 4,5 млрд руб., и больше взять неоткуда), мы должны в срочном порядке всю систему перекроить, разложить по «корзинам», все пересчитать, перекинуть из одних программ в другие, с одного бюджетного уровня на другой. Например, дотации, которые раньше давали на литр (ГСМ), пересчитать на гектары (посевных площадей). А бюджет на три года уже сверстан в общих чертах. При этом в Сибири, я напомним, погодные условия были экстремальные, бюджет будет страшный... Вот она – неподготовленность страны!

В России, начиная от ветеринарных свидетельств и кончая, скажем, регламентами производства зерна, нет ни специалистов, ни стандартов, согласующихся с мировыми требованиями. Мы до сих пор производим зерно 2-го, 3-го, 4-го классов, хотя во всем мире существует совсем другая классификация, включающая набор показателей по белку, протенну, сахару и т.д. (от 26 до 32 пунктов). На мировом рынке уже давно торгуют сортами зерном. И у нас оно есть. Есть наши сорта – аналоги «канадской белозернистой» или «крупной белой» пшеницы: «новосибирская-89», «омская-19», «красноярская белоусая». Но на мировом рынке мы продаем обезличенное зерно и теряем на этом колоссальные деньги. Условно говоря, это все равно, что яблоки разных сортов и стоимости – «антоновку», «апорт», «грушовку» – сложить в один мешок и написать: яблоки из Сибири. Сколько это будет стоить? Копейки!

– *Что мешает России принять новую стандартизацию? Ведь мы уже давно экспортируем зерно...*

– А кто ее будет делать? Для этого нужны специалисты, инфраструктура, огромные средства. Для производителей, конечно, выгоднее вывозить сортовое зерно, которое стоит гораздо дороже. И не вагонами, а контейнерами – под конкретные

заказы, для производства макарон, хлебопечения. Если бы наши зернопроизводители знали, что на такую-то пшеницу будет спрос, они бы ее отдельно собирали, готовили к отправке, следили бы за качеством, ассортиментом, улучшали технологии. И такие примеры есть. С ЗАО «Грана» мы как-то в порядке эксперимента отправили по два контейнера сортовой пшеницы в Новую Зеландию, и там уже была совершенно другая цена – но из определенной пшеницы, при определенном помоле. Для этого генеральный директор ЗАО В.В. Гайчман 2,5 года потратил на сертификацию этой муки по их стандартам.

Но какие возможности у наших производителей? Они же не переделают систему, которая вся – от терминалов и элеваторных мощностей до транспортных тарифов – заточена на большие объемы перевозок. Сегодня российским зерном торгуют пять транснациональных компаний, которые определяют и ценовую, и сбытовую политику. Идея у них одна – экспортировать как можно больше. Для этого они приобрели магистральные элеваторы по всей стране, в том числе в Новосибирской области и на Алтае. А что такое элеватор? Это несколько громадных емкостей от 20 тыс. т и выше. В одной – зерно 3-го класса, в другой – 4-го, рожь, ячмень, продукция первой переработки, а если установили мукомольное оборудование – то и мука. Там нет возможности разделить ни по сортам с индивидуальными качественными показателями, ни по производителям. Зерно обезличено. Основной показатель – это классность в пределах допустимых разбегов по клейковине.

Портовые терминалы точно так же не приспособлены для накопления зерна разных сортов. Даже самые современные, построенные в последние годы. И те новые, которые только проектируются на Дальнем Востоке. Это опять будет обезличенное зерно, которое будет продаваться по бросовым ценам. Частным компаниям так проще... Они берут сибирское зерно наилучшего качества с высокими показателями для хлебопечения, в портах смешивают с южным зерном (качество, прямо скажем, похуже) и получают нечто среднее, что можно продать на международном рынке. И РЖД проще возить вагонами, а не контейнерами... Они тоже зарабатывают за счет объемов.

Контейнерные перевозки – это отдельная тема, требующая широкого обсуждения. Мы в 2010–2011 г. совместно с фирмами «САХО», «Байт-транзит Континент», Западно-Сибирским филиалом ЗАО «Трансконтейнер» отправили два контейнерных эшелона пшеницы в Японию. Специально под этот проект специалисты СГУПС при поддержке руководства Западно-Сибирской железной дороги разработали техусловия загрузки и отправки. Но на федеральном уровне серьезной поддержки в этом направлении не получилось, это так и осталось «частной инициативой», хотя соседний Казахстан по этим же техусловиям на основе нашего опыта издал правительственное постановление и перевозит зерно в контейнерах и внутри страны, и на экспорт.

Я лично считаю, что такая торговля по-настоящему вредит сельскому хозяйству. Нас воспринимают на этом рынке (и мы сами себя воспринимаем) как поставщиков сырья, хотя мы вполне могли бы производить как минимум полуфабрикат.

Больше всех заинтересованы в том, чтобы продавать сортовое зерно, сами производители и руководители регионов, которые получают рост налогооблагаемой базы. Но ни у тех, ни у других нет денег на то, чтобы все это организовать.

– В России в октябре 2012 г. принята стратегическая программа развития сельского хозяйства на 2013–2020-е годы. Возможно, в ней нашли разрешение системные проблемы, о которых Вы упомянули?

– Там речь идет в основном о мерах господдержки. Это серьезный документ, в котором есть преемственность с прежними нацпроектами, ФЦП, определены приоритеты развития по отраслям: растениеводство, мясное и молочное животноводство (птицеводство особой поддержки не требует, мы достигли показателей, где нужно уже сохранять объемы производства и выходить на экспорт). Следующие большие разделы – это социально-экономическое развитие села, включая строительство инфраструктуры и кадровое обеспечение, поддержка семейных ферм и подворий.

Последнее направление имеет не столько экономический, сколько аграрно-социальный аспект: сохранение сельского образа жизни и обеспечение занятости на селе. Через личные подсобные хозяйства, потребительско-заготовительную деятельность, развитие мини-переработки. Понятно, что большого количества товарной продукции, да еще с низкой себестоимостью, никто от этого не ждет...

Программа включает три источника финансирования: треть дает федеральный бюджет, треть – региональный и столько же – бизнес. Это по основным показателям. На развитие личных подворий населению выделяются кредиты до 1 млн руб. на приобретение техники, животных, строительных материалов. И от 15 до 30 млн руб. можно получить на создание семейных ферм.

Для того чтобы получить федеральное финансирование, сельхозпроизводителям и администрациям, курирующим сельское хозяйство, придется защитить аналогичные лимиты в бюджетах регионов. И вот это, на мой взгляд, будет главным ограничением при реализации программы. У большинства регионов просто нет денег для того, чтобы увеличить в своем бюджете долю финансирования сельского хозяйства: 90% субъектов, входящих в «Сибирское соглашение», сегодня являются дотационными...

Еще одна ошибка, которую необходимо исправить: в Мин-сельхозе не разработаны ценовые стандарты строительства животноводческих комплексов (условно говоря, стоимость одного ското-места с учетом природно-климатических особенностей). Поэтому есть возможность манипулировать: в соседних хозяйствах аналогичные объекты можно построить и за 500 млн, и за 2 млрд руб. Когда речь идет о бюджетных деньгах, я считаю, это недопустимо.

– Так ведь в цену проекта еще и инфраструктура закладывается...

– А вот здесь нас ВТО подправит. Инженерное обеспечение сельских территорий не может финансироваться в рамках господдержки сельского хозяйства, чтобы стоимость инфраструктуры не влияла на себестоимость продукции. В программе по социально-экономическому развитию поселений предусмотрено федеральное софинансирование инженерной инфраструктуры, но для этого опять-таки регионы должны разработать и защитить генеральные планы развития – с учетом балансов потребления тепла, электроэнергии, воды, строительства дорог и т.д.

– Государственная политика не может исчерпываться вопросами поддержки. Это же и вопросы регулирования, тарифов, налогов, стандартов, таможенных пошлин...

– В том-то и беда России, что у нас на государственном уровне не существует единой политики в отношении села и сельских жителей. Есть отдельные меры и направления работы, которые «раздерганы» по разным ведомствам и министерствам. Одними вопросами на селе занимается здравоохранение, другими – образование, третьими – дорожники, энергетики, налоговики и т.д., без всякой увязки одного с другим и в целом с вопросами образа жизни, занятости и социального развития на селе.

Министерство сельского хозяйства у нас вообще ни за что не отвечает, это просто координатор. За сельское хозяйство на своих территориях отвечают губернаторы. Поэтому госпрограммой и предусмотрена разработка регионами программ социально-экономического развития села. И если мы то, что предусмотрено в программе, разовьем – уже будет большой прогресс. А если еще и сбалансирuem на межрегиональном уровне, будет просто отлично. На координационных советах МАСС мы всегда говорим, что при планировании дальнейшего развития регионам надо не конкурировать между собой,

а попытаться диверсифицировать производство на межрегиональном уровне, чтобы извлечь максимальную выгоду на ограниченном изолированном рынке Сибири.

Несколько лет назад у нас с академиком А.Н. Власенко, директором Сибирского НИИ земледелия и химизации сельского хозяйства, появилась идея создать своеобразную карту по нашим природно-климатическим условиям, на основе которой можно было бы разработать рекомендации по специализации сельскохозяйственных зон в масштабах всей Сибири. В каждом субъекте и каждом районе природно-климатический потенциал способствует определенной специализации – в растениеводстве или зерноводстве. Скажем, здесь по климату и по составу почвы будет расти кукуруза, а не рожь, там – наоборот, и т.д. И мы хотели разработать комплексную программу по развитию определенных отраслей так, чтобы территории не соперничали друг с другом, а дополняли.

В Белоруссии это уже сделали. Для каждого субъекта определили зоны приоритетного выращивания определенных

культур и поддерживают из бюджета только то, что хорошо растет. Остальными видами хозяйства тоже можно заниматься, но – на свой страх и риск, без господдержки. Это рассматривается, грубо говоря, как хобби.

Но там все-таки страна маленькая, транспортное плечо от одного до другого региона меньше, чем у нас. А здесь получается, что в таком-то районе, например, невыгодно производить пшеницу – себестоимость высокая, урожайность низкая, но с учетом наших расстояний получается, что и завозить ее – не сильно интересно. Проще у себя вырастить несколько тысяч тонн – для внутренних нужд, пусть и с более высокой себестоимостью, зато люди будут заняты, и, вроде, ни от кого не зависишь.

Словом, в развитии кооперации и специализации надо учитывать не только природно-климатические данные, а рассматривать проблему в комплексе: дороги, энергетику, наличие перерабатывающих мощностей, кадров. А если это все находится не только на разных территориях, но и у разных ведомств...

– Давайте подробнее поговорим о том, что происходит в сибирских регионах. Если по зерну, молоку, птице, свинине мы вплотную подошли к перепроизводству, значит, не сегодня-завтра окажемся в ситуации если не сокращения производства, то стагнации. Есть ли у наших аграриев выход из этой ситуации?

– Выход один – надо углублять переработку и искать новые ниши. Например, сегодня практически все свинопольские и птицефабрики открыли свои колбасные цехи, формируют холдинги полного цикла – от зерна до колбасы. Они – главные потребители

фуражного зерна, поэтому несмотря ни на что, будем развивать эти отрасли. А по зерну ситуация аховая. Наша потребность на сегодня – не более 3 млн т продовольственной пшеницы на хлебопечение, макаронно-кондитерские изделия и т.д., а у нас только мукомольных мощностей на Алтае – на 3,5 млн т. Еще около 6 млн т скармливается птице и скоту, продовольственной пшеницы в том числе (конечно, это варварство, но по традиции с советских времен мы мало уделяем внимания производству фуражных культур, а сеем в основном продовольственные хлеба, что отрицательно сказывается на экономике растениеводства и обеспечении

полноценными кормами животных). А собираем мы в лучшие годы до 15–16 млн т. И с развитием технологий, внедрением высокопродуктивных сортов урожайность будет только расти. Излишки нужно куда-то девать. Возможности экспорта ограничены, как я уже говорил, поэтому сегодня в Сибири одним из приоритетных направлений является разведение крупного рогатого скота. Излишки зерна должны превращаться в мясо и молоко.

Здесь нам многому предстоит учиться. Когда сегодня кто-то говорит, что в СССР было много крупного рогатого скота, но потом отрасль рухнула, надо иметь в виду, что существуют довольно большие качественные различия скота «тогда» и «теперь».

В советское время не существовало чисто мясного или молочного животноводства, а было мясо-молочное стадо, в котором бычки шли на мясо, телочки – давали молоко. И мяса, и молока получали немного. Только в 1980-х годах в Сибири стали массово строиться специализированные откормочные комплексы. Но и там разводили все тех же гибридных «черно-пестрых». Комплексы не имели своей земли – корма закупали, не было маточного стада – брали бычков на откорм. И в рыночных условиях они же первыми и пострадали – коров на мясо было проще всего забрать за долги.

Сегодня в наших животноводческих комплексах разводятся уже совсем другие коровы – молочные, которые дают по 6–8 л молока, но практически не имеют привеса по мясу (то есть даже бычки, строго говоря, не являются «мясными» – так, побочный продукт). А для развития мясного направления закупаются специализированные породы, которые не дают товарного молока, но зато имеют привес от 800 до 1100 г в сутки. Теперь это совершенно разные отрасли специализации, с разными технологиями, кормовой базой и т.д.

Из-за длительных сроков окупаемости и высокой себестоимости мясное скотоводство начало развиваться в Сибири сравнительно недавно, но сейчас уже довольно много таких ферм и в Новосибирской области, и на Алтае, и в Кемерово, Омске, Красноярске. Они производят высококачественное мраморное мясо – в котором жир расположен прослойками между мясных волокон. Но оно и стоит не 300–400 руб. за 1 кг, как обычная

говядина, а 800–1000. Пока, к сожалению, рынок сбыта у такого мяса невелик – большая часть населения не может себе позволить покупать по такой цене. Но со временем ситуация будет меняться...

– Меня в начале 2012 г., когда было уже известно, что лето ожидается засушливым, удивляли бодрые рапорты региональных руководителей об увеличении посевных площадей. Если у нас такие проблемы со сбытом зерна, непонятно, откуда вообще появилась эта установка: наращивать посевные площади, и как это соотносится с повышением эффективности...

– Совершенно согласен. Размер посевных площадей – это не тот показатель, за который нужно бороться и его постоянно увеличивать. Это тянется еще с советских времен, когда сельское хозяйство развивалось экстенсивно, и чем больше засеяли, тем больше собрали. Сейчас появились новые технологии, новые семена – урожайность выросла в разы, и показатель «сохранение или увеличение площадей сельхозпроизводства» в статотчетности или в целевых программах ничего не дает. Тем более что реальный учет этих площадей и того, что там растет, – очень слабый, земля ведь все еще разделена по паям. Какие цифры хозяйства подали в Минсельхоз или в органы статистики, такие и учитываются, достоверность никто не проверяет. Если руководитель хозяйства хочет получить «героя», он «рисует» урожайность, а если хочет уйти от банков-кредиторов, – занижает. Количество площадей на экономику хозяйства никак не влияет.

Но тенденций к тому, чтобы отказаться от этого показателя, я не вижу. У нас и в рамках ВТО господдержка планируется из расчета на гектар посевных площадей. Урожайность, севооборот, грамотное землепользование, внесение удобрений при этом не учитываются. Я, по крайней мере, не увидел, чтобы господдержку в новой программе привязали к правильному севообороту. Значит, еще больше будет приписок... А каков смысл субсидий? Мы что поддерживаем?..

Следующий показатель, от которого надо отказаться – это так называемая «натуроплата». В первую очередь – по договорам аренды паевых участков. Привожу пример: руководитель хозяйства отдает пайщику в счет арендной платы, условно говоря, 10 т зерна, а официально оформляет – только 1 т.

И налоги платит с одной. Получается, что, во-первых, уменьшилась сумма налога – и для хозяйства, и для владельца пая, во-вторых, те 9 т зерна (а на самом деле – гораздо больше), которые «ушли» от учета, потом всплывут где-нибудь в виде низкокачественной дешевой ТУ-шной муки, в каких-нибудь мини-пекарнях и пирожковых, и сыграют «против» интересов добросовестных производителей, которые покупают качественное сырье и платят все налоги.

Но опять-таки предположительно к тому, чтобы искоренить эту практику, я не вижу. Сегодня системы налоговая, пенсионная, поддержки занятости настроены так, что не способствуют достоверности данных. Натуроплата выгодна и директору хозяйства, и пайщику, потому что они экономят на налогах. А если владелец – пенсионер или безработный (обычное дело в селе), то, получая доход за землю, он теряет право на пособие по безработице, и на размере пенсии это отражается. Поэтому земля часто не оформляется в собственность, и официально «не работает» – исключена из сельхозоборота.

Но ведь и альтернативы у собственников нет, кроме сдачи в аренду. Землю дали. А чем обрабатывать эти 15 или 20 га, куда сбывать продукцию? Даже если найти денег и купить мини-трактор, маленькие участки никогда не будут рентабельными...

Вот в этом – непродуманность и несогласованность разных отраслевых программ развития. Государственная программа развития сельского хозяйства сама по себе хороша, но она оторвана от всех остальных программ, от социально-экономической политики, уровня занятости и условий проживания в сельской местности.

Сельхозпроизводство сегодня становится индустриальным, но мы забываем, что при этом в разы сокращают занятых, не предоставляя ничего взамен. Для примера: сегодня один тракт-торовысеивающий комплекс заменяет 5–8 старых. Но что делать тем трактористам или комбайнерам, которые остались без работы, и их семьям? Мы строим мегаферму и надаиваем, условно говоря, 10 т молока. Раньше для этого нужно было 20 доярок, сегодня – 3. А что делать оставшимся? Раньше на селе развивали бытовое обслуживание, ремонт, торговлю. Это все ушло, потому что у людей нет денег. Если мы переводим

село на современную производительность труда, давайте тогда строить города, как в Китае, переселять туда население и создавать какое-то производство.

Ни один из холдингов, которые сегодня приходят в село, не организовал хотя бы производство тапочек, немногие даже животноводством занимаются. Зачем? Это же нужно каждый день работать. А они арендуют землю, распахивают. Два раза в год приезжают – посеять, убрать. Всё. Эффективность сель-хозпроизводства растёт, а село живет само по себе. Чем они могут заниматься? В тайге можно собирать грибы, ягоды, шишки, но лес есть не везде. А где продавать дикоросы? Кто-то выйдет на трассу. Но и трассы не везде есть.

А заготовительная деятельность в регионе не идет. И производственно-заготовительные кооперативы не развиваются. Потому что здесь правят бал индивидуально-частные предприниматели, которые работают по упрощенной системе налогообложения. Это значит – заплатит налогов столько, сколько ему совесть подскажет. А потребкооперация должна заключить с бабушкой при покупке мяса официальный договор, заплатить все налоги, оплатить транспортные издержки. В итоге потребкооперация продает мясо по 170 руб., зарабатывая при этом 20 руб., а частник – по 140, и зарабатывает 40 руб.! Так бабушка еще и не продаст потребкооперации, потому что с ее договора тоже надо заплатить налог, а значит, на руки она получит меньше, чем у частника.

Вот и выходит, что население вынуждено жить натуральным хозяйством, как 200 лет назад. И в госпрограмме предусмотрено развитие ЛПХ, хотя все понимают, что это – шаг назад.

– Ассоциация «Сибирское соглашение» аккумулирует и анализирует всю информацию о региональных программах развития. На Ваш взгляд, где реализуется наиболее грамотный, системный подход к развитию АПК?

– Не могу сказать, что губернаторы мало делают. Они корректируют государственную политику, как могут, но регионы Сибири почти все дотационные.

Сегодня главная задача – обеспечить максимальную занятость сельского населения. И создать на селе элементарные условия для нормальной жизни: жилье, здравоохранение, образование, дороги, свет, газ... Особенно в глубинке. Возле

больших городов, вдоль федеральных трасс районы еще худо-бедно развиваются за счет малого бизнеса, придорожного сервиса. Другие остаются не у дел. Одно исключение я знаю – это Сростки в Алтайском крае. Но за это Шукшину надо сказать спасибо...

Еще раз повторю: главная задача государства на селе – обеспечить занятость.

– Можете ли Вы назвать те меры господдержки, которые признаны неэффективными и требуют пересмотра подходов?

– В последние годы практически все регионы отказались от агрострахования. Несмотря на засухи. В 2012 г. изменилась система агрострахования с господдержкой, на него было выделено около 5 млрд руб., которые большинством регионов оказались невостребованными. Существующие правила оформления документов и получения возмещения не стимулируют крестьян страховать. К тому же есть ведомственная разобщенность.

Пример: если засуха случилась в августе–сентябре, страховая компания готова выплатить в принципе, но нужна справка из «Росстата». «Росстат» информацию обрабатывает раз в квартал, значит, справка появится только в ноябре. Пока ее рассмотрят, перечислят деньги, – это уже декабрь. И даже при получении страхового возмещения в полном объеме заготовить уже ничего не успеете, на кредит пеня набегит...

Гидрометцентр количество постов наблюдения сократил в разы. А он в агростраховании – ключевой «свидетель»: подтверждает, были осадки или нет, и на каком уровне. Но сведения предоставляются на весь район, а дожди идут полосами. Скажем, в райцентре дождь был, а за 40 км – не было в помине. Но пост есть только в райцентре. И о чем будет эта справка? До смешного доходит: метеорологи предлагают хозяйствам самим содержать посты и передавать им данные.

А статистические органы, метеорология – это государственные структуры, и пока на государственном уровне система не выстроится, в регионах трудно что-то сделать. Будут только редкие оазисы, а у нас только в Новосибирской области несколько сотен сел и десятки районов.

Беседовала кор. «ЭКО» Э.Ш. ВЕСЕЛОВА

ЭКО -информ

Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг. принята в октябре 2012 г. Суммарный объем финансирования- 2,287 трлн руб, (1,5 трлн руб- из федерального бюджета и 777,6 млн руб. - из регионального).

До 2020 г. включительно объем производства сельхозпродукции в России будет увеличен на 20,8% по отношению к 2012 г., в том числе в растениеводстве рост ожидается на 21,2%, в животноводстве- на 20,2%, в пищевой отрасли- на 35%. Валовой сбор зерна запланировано увеличить до 115млн т (за 2008-2012 гг.- 86 млн т), объем производства скота и птицы в живом весе- до 14,1 млн т, молока- до 38,2 млн т.

Предполагается обеспечить прирост инвестиций в агропромышленный комплекс не менее 4,5% в год, создать условия для достижения 10-15%-го уровня рентабельности в сельхозорганизациях.

До 2020 г. планируется увеличить экспорт зерна до 30 млн т, экспортные поставки мяса птицы- до 400тыс. т, свинины- до 200 тыс. т.

Ожидается увеличение среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства с 13 тыс. руб. в 2012 г. до 22,5 тыс. руб.

Источник: URL: <http://agroinfo.info/novaya-gosprogramma-nachinaet-dejstvovat-v-rossii/>

...

В рамках госпрограммы развития АПК на 2013-2020 гг. утверждены новые правила финансовой поддержки. Вместо субсидий по ГСМ, минеральным удобрениям и процентным ставкам аграрии будут получать теперь субсидию на гектар. Увеличилось число субсидируемых отраслей: к птицеводам, свиноводам и растениеводам присоединились мукомольные, масложировые предприятия, производители круп. С 2015 г. к ним добавятся производители биотоплива.

В связи с этим для тех предприятий, которые прежде получали господдержку, уровень финансовой помощи может снизиться, считает ведущий аналитик центра экономического прогнозирования «Газпромбанка» Д. Снитко. По ее расчетам, минимальная поддержка на 1 га составит 200 руб., что не превышает 5% операционных затрат на обработку земли под традиционные культуры. При этом объем федеральной поддержки зависит от уровня финансовой помощи регионов: если регион не сможет поддержать агрария из своего бюджета, то и федеральный центр не выделит средства в полном объеме.

Погектарная субсидия не превысит 300 руб., считают аналитики Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР). Для примера: минимальная себестоимость производства зерновых культур составляет 5 тыс. руб. на 1га. По словам гендиректора ИКАР Д. Рылько, общий объем помощи по трем видам субсидий, которые заменила

одна новая, составлял около 40 млрд руб. Сейчас в рамках погектарных субсидий будет выделяться всего 15 млрд руб.

Сами сельхозпроизводители опасаются еще большего снижения размеров государственной помощи. «Мы провели свои предварительные расчеты и пришли к выводу, что, например, при средней себестоимости производства картофеля 150–160 тыс. руб. на 1 га мы получим по новым условиям не более 1 тыс. руб., хотя раньше получали из бюджетов на компенсацию затрат на семена, ГСМ и процентные ставки до 8 тыс. руб.», – рассказал глава одного из подмосковных хозяйств. **Источник:** URL: <http://www.rbcdaily.ru/market/562949985525044>

В начале 2013 г. эксперты озвучили первые итоги от вступления Российской Федерации в ВТО. Пока что в большем выигрыше оказались соседние страны: в связи со снижением ввозных пошлин на молоко и молочную продукцию и действием в стране менее строгих правил валютного обмена на российский рынок хлынули продукты из стран СНГ, Прибалтики, Финляндии.

Так, осенью 2012 г. на отечественных прилавках появилось вдвое больше иностранного сыра, масла и сгущенки, импортные поставки молока выросли более чем в 3 раза. В 2013 г. импортные пошлины продолжают снижаться, при этом объем субсидирования отечественных производителей сократится. Эксперты уверены – в таких условиях отечественная молочная отрасль не способна будет конкурировать с импортными поставщиками.

Закредитованность российских производителей молочной продукции очень большая. Высокая стоимость отечественной продукции не позволяет конкурировать с Беларусью и Украиной и зарубежными производителями. Руководитель аналитического центра «Союзмолоко» Т. Рыба-лова уверена, что даже по истечении 3 лет с момента вступления России в ВТО импортная продукция будет доминировать на рынке, а внутреннее производство молочной продукции заметно сократится.

Вторая жертва ВТО – российское свиноводство. Сразу же после вступления России в ВТО импорт свинины вырос на 50%, доля зарубежных производителей стремительно увеличивалась. В результате стоимость необработанной свинины рухнула с 94 руб. до 65 руб./кг. Такие цены не способны обеспечить рентабельность выращивания свиней в стране.

В целом эксперты уверены, что в связи с членством в ВТО российский рынок станет более открытым, а другие страны будут вынуждены снимать защитные барьеры. Например, за 4 месяца нахождения России в ВТО были отменены 13 защитных тарифов и пошлин, распространяющихся на российских производителей.

Источник: URL: <http://agroinfo.info/posledstviya-vstupleniya-v-vto-itogi-2012-goda/>